Левшин В. А.

Сказка 3.

О племяннике Фомке.

В одном месте жил такой человек, который довольно не строго наблюдал осьмую заповедь. То есть он считал все имение ближних себе принадлежащим. В таковом расположении земли не пахал и хлеба не сеял. У него был родной племянник, оставшийся сиротою после его брата, который, придя в лета, удобные к рассуждению, усмотрел, что дядя его, не исправляя работ по примеру прочих мужиков, живет оных достаточнее. Почему, придя к нему, просил неотступно о научении таковому ж искусству. "Дядюшка,– говорил он ему, – я вижу, что ты живешь воровством, а сие рукомесло кажется мне не очень хитро; так, пожалуй, научи меня красть". – "Как, дурак, красть! – сказал дядя, – знаешь ли, что воров вешают?" – "Неправда, дядюшка, вешают только дураков, кои мало крадут. Например, третьего дня видел я в городе повесили крестьянина за то, что он, умирая с голоду, украл у скупого богача четверть ржи. А старый наш воевода украл у короля 30 000 рублев, его только сменили с места и не велели впредь к делам определять. Но ему и нужды в том нет: деньги-то остались у него почти все, за некоторым расходом. А из того заключил я, что и повешенный крестьянин, если б украл ржи 30 000 четвертей и притом не у судьи, а у самого короля, то бы его только сменили с места, то есть парламент дал бы ему за это шпагу. Итак, красть очень прибыльно; нужно лишь уметь концы хоронить". Дядя, приметив из рассуждения его довольную остроту его разума, согласился взять труд поучить его, чему сам горазд.

Первый урок назначен в следующее утро, и приказано ученику явиться часа за два до света. Тороватый племянник, пододевшись на легкую руку, не преминул исполнить повеление и выступил с учителем своим на подвиг. Шедши мимо де рева, увидели они на оном сидящую на яйцах в гнезде сороку: "Вот учись, – сказал дядя, – надобно украсть из-под сороки яйцы, чтоб она того не слыхала. Полезай, а я буду тебя поправлять в ошибках". – "Нет, дядюшка, – отвечал он, – ты должен мне показать сию хитрость, а я стану присматриваться твоему проворству". Дядя согласился и полез на дерево. Племянник (которого звали Фомкою) между тем весьма искусным образом облупил у дядиных сапогов подошвы и снял с него портки, так что он ничуть сего не почувствовал. Вор, украв яйца, опустился. "Вот, Фомка! Так-то учись, – сказал он племяннику, – сорока не слыхала, как я подобрал яйцы". – "А ты, дядюшка, не слыхал, как с тебя портки сняли и обрезали у сапогов подошвы", – говорил племянник, показывая ему оные. Вор удивился. "Ну, друг мой! – сказал он, – ученого учить, лишь портить. Я вор славный, а ты преславный: лучше будь ты мне не ученик, а товарищ". Итак, заключа с ним договор вместе воровать, пошли домой.

Проходя лес, увидели они крестьянина, ведущего на веревке корову. "Вот добрая говядинка, – сказал дядя. – Если б можно, отведал бы этого мясца". – "А для чего ж не можно, – спросил племянник. – Я украду корову". – "Вот какой вздор, – сказал дядя, – можно ли из рук у мужика украсть ее!" – "Посмотри только", – молвил Фомка и тотчас, скинув с себя новый сапог, обмарал оный калом и, забежав вперед мужика, бросил на дороге, а сам, спрятавшись за куст, примечал, что мужик с сапогом сделает. Который, нашед на оный, хотел было поднять, но, обмарав руку,

бросил, и продолжал путь. Фомка, скинув другой сапог, забежал еще вперед, также бросил на дороге. Крестьянин, нашед еще сапог, сказал: "Э! Как жаль, что я не поднял сапога, вот ему пара; однако вернусь, он лежит недалеко". Итак, привязав корову к дереву, побежал назад. А Фомка между тем проводил корову в сторону, где оную с помощью дяди убил и, облупя кожу, набил ее травою и, занеся в болото, неподалеку от дороги находившееся, втоптал в трясину, оставя наруже только хвост, где дяде своему велел прореветь несколько раз коровою.

Мужик, нашедши сапоги, потерял корову. Он не думал, чтоб оную украли, а считал, что оная, отвязавшись, забрела в лес. Почему пошел искать, однако долго ходил и кликал понапрасну, ибо в то время содрали уже с нее кожу и набивали травою. Исправясь же, дядюшка Фомкин из куста в болоте начал мычать коровою. Мужик, услышав голос сей, бросился к тому месту и, увидев хвост, кричал: "Эк тебя чёрт куда занес проклятую". Но, придя и потянув за хвост, нашел не корову, а родимое ее платьице, набитое травою. Горе его было велико, но нечем пособить. Он взял кожу и побрел домой, а дядюшка с племянничком, разделя добычу, кушали за здоровье его говядину.

Фомке скоро случилось быть праздну, и для того, пришед к дяде, звал он его на промысел. "Куды же ты думаешь? – сказал дядя, – я не ведаю, где бы нам пошататься". Фома, подумавши, вскричал: "Постой! Я вздумал сделать шутку с соседним дворянином". – "Какую?" – спросил он. "Я, – отвечал Фомка, – украду ночью с него и с жены его рубашки и утащу из-под них постель". – "Вот какую небылицу болтаешь ты, – говорил дядя,– сходно ли с разумом из-под живых людей унесть постель и снять с них рубашки?" – "Ты увидишь, что я не лгу", – молвил Фомка и пошел на промысел. Прибыв в дом того дворянина, вошел в хоромы, неся с собой целый горшок квасной гущи. Вступя в передспальню, спавших в оной двух девок сшил ниткою очень крепко за косы, и так оставя оных, вшел в спальню и вылил гущу между дворянином и женою его. Пото□м, спрятавшись за печку, дожидался начала комедии. Дворянин, повернувшись, ощупал нечто сходствующее на свиной конфект, коим у него и у жены его были вымараны рубашки, и, кроме того, между ними находилось оного довольное количество. Он счел, что либо сам или жена его сей грех учинила. "Девки, девки!" – вскричал он, как бешеный, растолкал жену, харкал, плевал, вскочил с постели. Девки, услыша зов, хотели встать, но, будучи сшиты косами, столкнулись друг с другом и упали на пол. Связанные их косы тянули исправно их волосы. Девки спросонья сочли, что подруга ее с умыслу за косу тянет. Вдруг вцепились они обе друг другу в волосы и начали драку с криком. Опачканный дворянин, не дождавшись девок, сбросил с себя рубашку и выскочил нагой разнимать девок. Барыня равномерно в том ему последовала. Фомка, дав им свободу судить, мирить и тузить, выбросил постелю и рубашки в окно, куда и сам отправился. Он к великому удивлению дяди своего принес добычу.

По прекращении ссоры дворянин крайне изумился, не нашед в толь короткое время постели своей и скинутых рубах. Он, разговаривая о том поутру, сказал, что дал бы десять рублев тому, кто бы объявил ему причину сей чудной пропажи. Слух о сем дошел до Фомки, ибо он, ходя около двора оного дворянина, наведывался, что в нем происходит. Почему велел доложить о себе дворянину, что имеет до него надобность, и был допущен. Вошед, говорил он: "Я слышал, сударь, что вы желаете знать, каким образом сделалась у вас пропажа, так ведайте, что это мое дело". И требовал в награждение обещанные деньги. Дворянин, узнав от него подробности происшедшего, сказал вору: "Постой, мой друг, увериться сему по одним словам

твоим не можно. Ты должен доказать то явным опытом твоего искусства. Если украдешь ты в нынешнюю ночь с конюшни моей стоялого жеребца, я заплачу тебе обещанные деньги вдвое". – "Очень хорошо, – сказал Фомка, – наше это дело". С чем от него вышел.

Дворянин, призвав своего конюшего, приказал оного жеребца чрез всю ночь держать двум человекам за поводы, а третьему за хвост. Сделавши сие учреждение, думал он: "Теперь посмотрю я, как он проворен! Хотя б то и сам сатана был, не обманет троих человек, с таковою осторожностию стерегущих коня моего".

Фомка, высмотря все распоряжение, побежал и купил целый бочонок вина, который подкатил конюхам. По счастью его были они гораздо неопасные неприятели вину. Запах оного тотчас предстал ноздрям их, по коему они, как добрые гончие собаки, добрались к бочонку и, не долго размышляя, принялись все трое оный опоражнивать. От сильного прилежания отнялись у них ру□ки, но□ги и чувствы, и они, попадав на землю, отдались беспечно во власть сна. Фомка, вошед в конюшню, двоим пьяным дал в руки по поводу, привязавши узду к яслям, а третьему вместо хвоста вручил горст пеньки; жеребца ж проводил он домой. Исправя сие, пришел поутру к господину, который должен был устоять на дворянском слове, прибавив некоторый выкуп и за жеребца.

Спустя несколько дней начал Фомка звать дядю своего воровать в столицу тамошней земли□ короля. "Мы там можем иметь лучшие случаи красть хорошие куски, а здесь по нашему искусству добыча мала, – говорил Фомка. – Всякое ремесло имеет расположение, и мало-помалу доходит до совершенства. Например, подьячий, притесняя челобитчиков, берет сначала только алтынами, достигнув в секретари, счет его составляют рубли. А если учинится он судьею, что и необходимо с теми, кои искуснее грабили, тогда уже□ целые мешки управляют его совестью. Мы также совершили уже□ подвиг подьячих, алтыни и рубли у нас есть, а теперь время подражать нам старому воеводе". Дядя согласен был, и путь начат.

Проходя сквозь один город, Фомка с умыслу учинил драку, чтоб доставить тем дяде своему способ у сбежавшегося смотреть народа что-нибудь из карманов повытаскать. В чем им был хотя и добрый успех, но Фомку, как зачинщика драки, взяли под караул и повели к воеводе того го□рода. Фомка, шед дорогою, поднял немалый камень и положил оный за пазуху. По прибытии в судебное место начался донос. Во время слушания оного Фомка показывал почасту воеводе сквозь кафтан камень. Воевода счел оный за мешок денег и думал, что тем его подарить хочет виноватый, если его оправить. Завидливые судейские глаза□ разгорелись: страсть ко взяткам принудила его делать все в пользу Фомкину. Тотчас изгнаны доносчики, яко пришедшие из пустяков утруждать воеводу. Оставшись наедине с Фомкой, правосудец просил его дать за труд обещанное. Фомка, приняв на себя суровый вид, сказал, что у него и в мыслях не бывало дарить его. "Как! Что ж ты мне показывал из-за пазухи?" – молвил воевода. – "Камень, – отвечал он, – коим я грозил тебе проломить голову, хотя б ты мало потянул не на мою сторону". Нечего было делать обманутому судье, как вытолкать оного в шею, что он и учинил с великим прилежанием. Итак, Фомка с дядей своим продолжали путь.

Наконец пришли они в столицу. Ходя по городу для примечания, где бы можно что сорвать, узнали, где лежит королевская казна, при коей весьма слабый караул находился, как-то обыкновенно случается в государствах, где парламент строго следует похищения и не находит покраденного. "Вот! – сказал Фомка с радостию, – тут-то можем мы понагреть руки!" По наступлении глубокого ночного времени пришли они для осады кладовой и долго спорили, кому из них идти на

приступ. Дядя то предпринять очень боялся, однако Фомка, быв его проворнее и отважнее, взял сей труд на себя. Влез туды, сломавши в окне решетку с стороны, где часового не было, и взял столько денег, сколько мог поднять. Они ушли, и никто им не препятствовал.

Чрез несколько дней осмотрели нецелость денежной казны, о чем весть дошла и до самого короля. Он велел оставить разломанную решетку, так как оная есть, чтоб показать, будто бы покража не примечена. Но под окном поставили котел растопленной смолы. Воры не преминули чрез несколько дней вторично посетить казну. Но как была очередь лезть дяде, то он, вскоча в окно, втюрился по самые уши в смолу. Фомка, долго ожидая возвращения своего дяди, догадался, что он попался, и полез туды осмотреть, что с ним случилось. Опустясь в окно осторожно, узнал он его несчастие. Но, приложа всю возможность, вытянуть из смолы не мог, а только удушил его до смерти. Приметив, что уже дядя его успе, отрезал ему голову, а туловище оставил в смоле. После чего набрав еще денег, ушел благополучно с мертвою головою, которую зарыл в землю, ибо не надеялся от ней ни помощи, ни свету. Поутру в кладовой увидели две диковинки: не целую казну, да человечье туловище без головы. И так, узнали, что не один был вор, но два, из коих вставший, имея к товарищу большую дружбу, когда не мог вытащить из смолы самого, то взял его голову. Хотя и велено всеми мерами проведывать, не явится ли в покраже сей какового подозрения, но все способы и выдумки были без успеха.

Наконец, король, сожалея о утрате своей казны, а не меньше стараясь о истреблении воров, предпринял сам идти проведывать, для чего и переоделся в простое платье, только забыл снять свою, вынизанную жемчугом и дорогими камнями шапку. По наступлении ночи вышел он из дворца. Люди уже не ходили по улицам, и в городе всюду владычествовали тишина и сон. По случаю встретился король с вором Фомкою, которого и узнал он по шапке, для того что видел оного в ней днем. Король спросил его, что он за человек. "Вор", – отвечал Фомка. "А ты что за человек?" – говорил он королю. "Я тем же питаюсь промыслом,– сказал король, – станем вместе воровать". – "Очень изрядно, – отвечал Фомка. – Но куда же мы пойдем красть?" – "Пойдем к королю в казенную палату", – сказал король. При сем слове Фомка дал ему такую оплеуху, что едва на ногах устоял. "Как! Негодница! – сказал он, – кто нас поит, кормит и охраняет, а ты к тому хочешь идти красть. Пойдем лучше к тому вельможе, коего дом против самого дворца". Нечего было королю больше делать, как согласиться на желание вора, ибо боялся, чтоб оный его не зарезал. Итак, они пошли туда. Пришед к дому, дал Фомка королю железные свои когти, с помощию коих лазил он по стенам, как кошка, и принуждал короля лезть по стене в кладовую, которая была в третьем жилье над спальнею вельможи. Король насилу мог от того отговориться, и Фомка принял труд сей на себя. Лезучи мимо окна, услышал он, что говорят в спальне. Желая узнать, в чем состоит тот разговор, услышал следующее. "Ну, жена, – говорил вельможа, – завтра произведем мы в действие наше намерение". – "Как оное возможно!" – сказала жена. "Вот как, – продолжал вельможа, – ведаешь, что завтре праздник. Короля после обедни позову я на чарку водки, и так дам ему толь смертную отраву, что он, выпивши, на том же месте падет мертв". Услышав сей разговор, Фомка оставил свое предприятие, и, спустясь на землю, стал на колени пред королем, и смело говорил ему: "Государь! Я знаю, что ты наш король, прости мою дерзость, что я так с вами давече поступил, а теперь я услышал ужасную противу вас измену". После чего объявил ему разговор вельможи с женою. Король оторопел, но, одумавшись, сказал

ему: "Я за давешнее се□рдца на тебя не имею, а за теперешнее обязан моею жизнию. Не сумневайся в моей милости". Причем снял с головы своей драгоценную шапку, надел ее на вора, примолвя: "Сей мой подарок да будет тому залогом. Завтре я прошу тебя к себе в гости. И если то в самом деле так, как ты мне донес, то знай, что ты больше, нежели думаешь, почувствуешь мою на себе благодарность". С словом сим они расстались.

Поутру во время обедни, когда король со всеми своими придворными и оным зломыслящим вельможею был в церкви, появился Фомка в королевской шапке. Он шел, ее не снимая, прямо к королю. Приближась к оному, сказал: "Здравствуй, король!" – и без всяких околичностей стал с ним рядом. Король принял его толь ласково, что все предстоящие удивились и не знали, что о том подумать.

По окончании обедни вельможа оный для исполнения своего злоумышления позвал короля к себе в гости, на что он и согласился. По прибытии к нему в дом вельможа поднес королю рюмку с изготовленным ядом. Но король сказал ему: "Нут-ка, братец, по старине сам на здоровье", Вельможа запялся и начал было отговариваться, что ему не довлеет пить прежде государя, но король принуждал его неотменно выпить. Вельможа увидел свою погибель, упал в яму, кою сам ископал. Он выпил яд, сочтя лучше умереть скорою, чем мучительною смертию. Едва отнес он рюмку от рта, сила оного яда повергла его на землю бездушна. Тут уверился король в правде сказанного ему вором. Он повелел жену вельможи казнить. А Фомку пожаловал на место вельможи, отдав ему все умершего имение и женя на дочери его, которая не знала о злом умысле родителей своих. И так Фомка из бедного вора учинился знатным вельможею. Фортуна нередко делает таковые игрушки!

1781 г.

Левшин В. А. "Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказ в памяти приключения". Ч. 2. М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1781 г. С. 32 – 53.

Сказка, сложная по композиции, включает ряд сюжетов и мотивов из двух циклов: "О разбойниках и ворах" и "О хитрых и ловких людях":

а) Обучение воровству (в то время как дядя ворует из-под сороки яйца, племянник незаметно срезает у него подошвы сапог и снимает портки) – мотив, обычно разрабатывающийся в сказках "Дядя и племянник". "Указатель" (дополн.: Пропп), 950.

б) Подбрасывание на дорогу сапог с целью обмана мужика и увода от него коровы. "Указатель" (дополн.: Пропп), 1525 Д ("Герой обманывает воров"). Ср. со "Сказкой о Климке" ("Старая погудка", стр. 3–26).

в) Искусное похищение у барина и барыни ночных рубашек и постели; увод из барской конюшни жеребца. "Указатель" (дополн.: Пропп), 1525 А. Ср. со "Сказкой о Климке" ("Старая погудка", стр. 3–26); Никифоров, 57.

г) Обман судьи-воеводы ("Камень за пазухой"). "Указатель" (дополн.: Пропп), 1660 ("Шемякин суд").

д) Воровство королевской казны; гибель дяди. "Указатель" (дополн.: Пропп), 950 ("Дядя и племянник").

е) Царь и вор. "Указатель", 951 А, В.

Источник текста: *Померанцева Э.В. (отв. ред.), "Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI-XVIII века)", Л. "Наука", 1971 г. С. 74 - 80, 271.*